

АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДОЕВРОПЕИСТИКИ

Статья содержит развернутый критический анализ некоторых наиболее существенных методологических проблем современного сравнительно-исторического языкознания и индоевропеистики в целом. Излагается ряд соображений по поводу того, каким образом пересмотр ныне действующих концептуальных подходов способен изменить представление о принципиальных возможностях и перспективах развития индоевропейских исследований.

Ключевые слова: индоевропейские древности, лингвистическая палеонтология, праязык, прародина, верификация.

Подгуренко А.В. Актуальні методологічні проблеми індоєвропеїстики. *Стаття містить розгорнутий критичний аналіз деяких найбільш важливих методологічних проблем сучасного порівняльно-історичного мовознавства та індоєвропеїстики в цілому. Наводиться ряд міркувань з приводу того, як саме перегляд концептуальних підходів, що діють, здатен змінити уяву щодо принципових можливостей та перспектив розвитку індоєвропейських досліджень.*

Ключові слова: індоєвропейські старовини, лінгвістична палеонтологія, прмова, прабатьківщина, верифікація.

Podgurenko A.V. Key methodological problems of modern Indo-European studies. *The article contains a wide critical analysis of some key methodological problems of modern comparative linguistics and Indo-European studies on the whole. Some considerations about how the revision of actual approaches could change the idea of fundamental resources and perspectives of Indo-European studies are expounded.*

Key words: Indo-European antiquities, linguistic paleontology, Indo-European parent language, Indo-European homeland, verification.

Что может особенно беспокоить в изменениях, так это то, что они обычно происходят вследствие изменений в теоретическом знании.

Т. Кун

В развитии каждой науки – как равно и всякого отдельно взятого направления исследований – периодически наступают моменты «фазового перехода», когда специалисты в данной области знания должны (точнее, оказываются вынуждены) переосмысливать базовые методологические принципы, а также более общие (как эксплицитные, так и имплицитные) представления, через призму и при помощи которых они рассматривают предмет своего изучения. Хорошо известно, что этот процесс никогда не происходит – и по определению не может происходить – быстро, легко и безболезненно, поскольку ничто не укореняется так глубоко – и, соответственно, не отстаивается так упорно, – как наиболее фундаментальные (нередко весьма слабо отрефлектированные) подразумевания, складывавшиеся на протяжении долгого времени и позволявшие – с той или иной мерой успешности – интегрировать и осмыслять всю совокупность наличных фактических данных. Очевидно также, что такая трансформация происходит

тем труднее и напряженнее, чем более высокий уровень теоретических презумпций она затрагивает. Иными словами, конкретные – пусть весьма влиятельные и распространенные – гипотезы и методологические процедуры все же легче поддаются пересмотру, нежели иерархически максимальные основоположения, чаще всего обусловленные идеологическими – или даже мировоззренческими – блоками ментальных моделей чрезвычайно высокого порядка, ревизия которых воспринимается, вполне естественно, как непомерно революционная. Но вместе с тем неоспоримо также и то, что рано или поздно подобные системные «перевороты» («революции» в этимологическом смысле слова) все равно происходят, так как вызывают их не произвольные пожелания тех или иных участников научного сообщества, а объективная необходимость изменения исходных методологических установок, интерпретативный потенциал которых неизбежно должен быть приведен в соответствие с количественными и качественными параметрами накопленного фактического материала. Ну, и, наконец, - *the last but not the least*, - следует подчеркнуть – обратившись к вынесенному в эпиграф высказыванию автора «Структуры научных революций», - что сфера научного (как и любого иного) знания отнюдь не есть исключительно царство индукции. Это означает, что ревизия когнитивных парадигм далеко не всегда бывает обусловлена наличием «запроса» со стороны подлежащих анализу фактов, - напротив: в тех случаях, когда речь идет о действительно масштабных трансформациях эвристического контекста, в их основе чаще всего – чтобы не сказать, всегда, - лежат экстрасистемные (т.е. внешние по отношению к непосредственному полю исследования) влияния исторического плана, обусловленные факторами, не подлежащими интеллектуальному контролю как таковому, а уж тем более рассмотрению в рамках специфически научных верификационных процедур (поскольку «рациональность никогда не производит собственных содержаний, как это ложно ей приписывает рационализм. Она всегда – всего лишь следствие *предзаданных условий и предпосылок*» [6, 189]). Данное положение вещей – совершенно не зависящее от чьей-либо воли – безусловно следует иметь в виду, чтобы избежать, насколько возможно, завышенных ожиданий, столь характерных для чуждого самокритики сайентизма.

Исходной посылкой предлагаемого рассуждения является убеждение в том, что для индоевропеистики – понятой в широком смысле как вся совокупность исторически ориентированных гуманитарных (и не только) дисциплин, так или иначе занятых изучением и интерпретацией индоевропейского наследия (т.е. представляемой как *общее проблемное поле*, разделяемое лишь спецификой свойственных отдельным наукам подходов и принципов анализа), - наступил этап, когда накопленный за два с лишним века ее развития богатейший и чрезвычайно противоречивый теоретический багаж должен быть подвергнут глубокому систематическому пересмотру. Более того, представляется очевидным, что такая ревизия теоретических – прежде всего методологических – оснований запоздала уже как минимум на несколько десятилетий, и именно с этим запозданием в первую очередь связано нынешнее состояние индоевропейских исследований, которое без

колебаний может быть определено как кризисное. Под «кризисом» в данном случае, конечно, имеется в виду не какая-либо стагнация, недостаток конкретных результатов, новых идей или исследовательских инициатив – в этом отношении индоевропеистика, возможно, никогда еще не была столь процветающей, многообещающей и разнообразной. Однако все эти неоспоримые достижения в значительной степени девальвируются унаследованными от предыдущих периодов развития фатальной непроясненностью и хаотичностью теоретических постулатов и острой нехваткой концептуальных построений, способных послужить интегративной базой для создания более реалистичных экспликативных моделей.

Настоящая статья – не претендующая, разумеется, на сколько-нибудь полное изложение столь обширного проблемного контекста – имеет своей задачей привлечь внимание к затронутым вопросам, осветив ряд наиболее уязвимых теоретических позиций современного индоевропейского языкознания в его взаимодействии с соответствующими областями смежных наук и наметив (сугубо предварительно) некоторые возможные траектории выхода из создавшегося положения. В формулировке своих утверждений автор во многом опирался на работы специалистов, уже высказывавших ранее теоретические претензии и озабоченности сходного порядка. Особо следует выделить в этом плане – безотносительно к схождениям и расхождениям в конкретных позициях и оценках – монографию петербургского филолога Н. Л. Сухачева «Перспектива истории в индоевропеистике» [5], появление которой представляется чрезвычайно симптоматичным и значимым как пример постановки и глубокого осмысления указанных проблем.

Структурно все затрагиваемые темы в той или иной мере сконцентрированы вокруг таких ключевых концептов, как «индоевропейские древности» (т.е. «исторические условия существования древнейших индоевропейских диалектов» [2, 8]) и «лингвистическая палеонтология» (т.е. «реконструкция культурных и бытовых реалий по словарному составу языка» [5, 8]), а также «(индоевропейский) праязык» и «(индоевропейская) прародина». Целью исследования является, в конечном счете, уточнение перспектив *культурно-исторической реконструкции*, составляющей, с принципиальной точки зрения, смысловое ядро и фундаментальную ориентацию индоевропейского языкознания в целом. Методологически в центре внимания находятся проблемы *верификации* и *соотнесения* лингвистических и археологических данных, составляющих в своей совокупности фактическую базу культурно-исторической реконструкции как таковой.

Говоря о реконструкции в широком смысле слова (т.е. как о методологической процедуре, направленной на воссоздание тех или иных параметров исторического облика минувших эпох), нужно иметь в виду – и специально подчеркнуть, – что такие ее аспекты (вернее, разновидности или уровни), как сравнительно-исторический метод в языкознании (компаративистика в собственном смысле) и культурно-историческая реконструкция (представляющая собой определенный набор приемов (и результатов) интерпретации всего комплекса доступных исследователям лингвистических, археологических и прочих данных, характеризующих содержание рассма-

триваемой эпохи) не только – по вполне очевидным причинам – (были, есть и всегда будут) неразрывно связаны между собой, но и находятся в чрезвычайно сложных отношениях, нередко достигающих степени антагонизма. Именно поэтому взаимодействие – и взаимоналожение – этих двух аспектов во многом характеризует положение дел в индоевропеистике на каждом данном этапе ее развития, а преобладающие в тот или иной момент представления о принципах и границах возможного при осуществлении этого взаимодействия фактически детерминируют спектр мнений по поводу основных дискуссионных тем.

С точки зрения лингвиста – если оставить в стороне настолько же обширную, насколько и запутанную историю вопроса (начиная еще с самых ранних опытов, положивших начало существованию индоевропеистики как таковой), – суть проблемы заключается прежде всего в определении того, как далеко, собственно, может продвинуться сравнительно-историческое исследование в своих реконструкционных амбициях, не покидая почву последовательно верифицируемой принятыми методами языковой реальности, и где – принципиально (а значит, и исторически) – предположительно может находиться тот предел, за которым это исследование вынуждено будет ответственно сложить свои полномочия. Отсюда вытекает также и представление о теоретическом и доказательном статусе конкретных реконструкций. Ответы на эти вопросы, как нетрудно догадаться, давались самые разные, но все они, по большому счету, могут быть сведены к двум позициям, условно определимым как «скептическая» и «реалистическая». В своем «Введении в сравнительное языкознание» О. Семереньи – характеризуя себя как приверженца «реалистического направления» – писал по этому поводу:

Одни считают, что путем сопоставлений можно выявить только соответствия. [...] Реконструированную праформу [...] можно, по их мнению, рассматривать только как формулу, которая облегчает [...] высказывания о засвидетельствованных соответствиях и призвана их вкратце обобщить. Другие же, напротив, полагают, что наши методы позволяют нам реконструировать исчезнувшее состояние языка. Реконструированная праформа [...] принимается ими за реальность, которая лежит в основе форм отдельных языков и из которой все они развились по своим звуковым законам. [...] Только в случае признания реальности различных реконструированных форм имеет смысл ставить вопрос о том, как они соотносятся друг с другом, то есть как выглядела система. Реализм играет в этом плане решающую роль... [4, 45]. (При этом он признает, что «каждая реконструкция отражает соответствующий уровень в развитии лингвистики» [там же, 45].)

Совершенно естественно – и вполне логично, – что сторонники данной позиции – которую в этом плане, видимо, можно назвать даже не «реалистической», а, скорее, «оптимистической», – имеют самое высокое мнение о тех перспективах более общего характера, которые открываются за реконструкцией как таковой, т.е. на ее основе:

Из реконструкции вытекают дальнейшие задачи индоевропеиста.

Реконструировав достаточную часть индоевропейского словарного состава, мы можем дать ответ на различные вопросы, которые представляют значительный интерес и для специалиста по древней истории. Какова была структура “семьи” и общества вообще? Какими были вера и знания индоевропейцев? Почитали ли они богов? Какие металлы, животные, растения были им известны? Насколько ответ на последние вопросы может помочь в локализации прародины и ее датировке? Обладали ли индоевропейцы языком высокого стиля, языком поэзии, а может быть, и поэтическими формами?

Одновременно возникают дополнительные вопросы лингвистического характера: в состоянии ли мы выявить диалектные различия внутри индоевропейского языка? Что мы можем сказать о процессе дифференциации, приведшем к образованию отдельных языков? [4, 46].

Как видно, представление о (чрезвычайно значимой) роли компаративистики в изучении индоевропейской проблематики в целом – и, соответственно, о (весьма обширных) возможностях ее продуктивного взаимодействия с историческими науками – фундировано отчетливо позитивистскими установками исследователя. Это особенно наглядно проявляется в тех случаях, когда ученый считает необходимым специально сослаться на побудительные мотивы общетеоретического характера, которыми он руководствуется. Так, например, в предисловии к переизданию своего труда без малого полувековой давности Вяч. Вс. Иванов – настойчиво подтверждая верность принципам своей научной молодости – писал:

...Автор продолжает считать, что соединение [...] методов выявления синхронной структуры, нуждающихся еще в усовершенствовании, и связанного с ними диахронического подхода, нацеленного на типологически проверяемую реконструкцию дописьменного состояния, остается одной из главных задач современного языкознания. То, что открытие хеттского языка позволило проверить гипотетические реконструкции, сделанные за полвека до его открытия, показало действенность “предсказания вспять” прошлого, на которую способно сравнительное языкознание. Доведение строгости лингвистических методов до уровня, сопоставимого с другими [sic! – А. П.] точными науками, могло бы проложить дорогу к аналогичному преобразованию других гуманитарных дисциплин [2, 6].

Итак, сравнительно-историческое языкознание не только обладает действенными способами «предсказания вспять» утраченных языковых единиц и систем (причем вплоть до уровней, далеко выходящих за рамки реконструкции праиндоевропейского состояния: Иванов упоминает далее «возможности точных лингвистических реконструкций еще более удаленного прошлого», связанные с «углублением перспективы сравнения таких макросемей, как [...] ностратическая» [там же, 6]), но и способно послужить другим дисциплинам гуманитарного цикла вдохновляющим примером методологической точности (в смысле «типологической проверяемости»). (Стоит отметить попутно, что данная позиция подразумевает почти безграничную веру в адекватность – если не безупречность – принятых методов

реконструкции и способов верификации получаемых результатов.) Не приходится удивляться, что при таком отношении к реконструкционному потенциалу лингвистики вопрос о том, где могут проходить – и проходят ли где-нибудь вообще – границы ее «оперативного захвата» (т.е. наличествуют ли в прошлом обусловленные некоторыми (фактическими и/или теоретическими, т.е. методологическими) ограничителями порог, за которым реконструкция становится объективно невозможной), судя по всему, просто не возникает [ср. в иной связи: 3]. Отсюда, надо думать, следует вывод, что сопоставительный метод в языкознании и культурно-историческая реконструкция, вовлекающая в свою орбиту несравненно более широкий спектр фактов и аргументов, идут в полном смысле рука об руку. Коль скоро это так, то, видимо, не остается и места для сомнений в отношении того, насколько плодотворным может быть использование реконструированных языковых данных для воссоздания архаичных картин мира и прочего тому подобного.

Перед лицом столь масштабных запросов можно в какой-то мере понять точку зрения «скептиков», подчеркивающих ограниченность возможностей как собственно лингвистической реконструкции, так и, тем более, ее интерпретационного потенциала в тех случаях, когда она – уже в рамках «лингвистической палеонтологии» - используется как базовый элемент реконструкции культурно-исторической. Нужно сказать, что своего рода методологическая сдержанность была присуща позиции многих классиков индоевропеистики XIX – XX вв., и в этом плане известное высказывание А. Мейе («Индоевропейский язык восстановить нельзя» [цит. по: 5, 76]) – лишь один из примеров. Иное дело, что некоторые специалисты высказывались по этому поводу еще более резко, сокращая до минимума (впрочем, не всегда последовательно в применении к конкретным выводам) не только поле возможного взаимодействия с экстралингвистическими данными, но и представление о статусе реконструируемой языковой реальности. В числе отсылок, которые можно сделать в данной связи, - определение праязыка как «системы изоглосс», принадлежащее В. Пизани [цит. по: 5, 91 и др.], и ряд сходных высказываний, имеющих своей целью – в конечном счете – ограничить устремления компаративистики задачами сугубо лингвистического свойства. Проблема, однако, заключается в том, что в этом случае, как справедливо замечает Н. Л. Сухачев, «поиск каких бы то ни было “индоевропейских древностей” просто становится неоправданным» [5, 196], поскольку тем самым подрывается база для вовлечения языковых данных в более широкий сопоставительный контекст, - а без этого культурно-историческая реконструкция невозможна.

Проясним ситуацию. Фундаментальный вопрос о том, в чем заключается – или какой может быть в принципе – роль (а значит, и мера участия) лингвистики в решении задач культурно-исторической реконструкции, - вопрос сложносоставной (точнее, многоуровневый) по своей природе. Чтобы наметить хотя бы в самом первом приближении контуры ответа, следует прояснить – предварительно систематизировав их – ряд позиций, в своей совокупности характеризующих методологические потенциалы сравнительно-

исторического языкознания и те концептуальные установки, которые лежат в его основе и в конечном итоге, как уже было сказано выше, определяют если не содержание, то, как минимум, направление движения исследовательской мысли при формулировании конкретных гипотез. Основные вопросы, подлежащие рассмотрению, естественным образом группируются даже не столько проблемно-тематически, сколько по уровням обобщения результатов культурно-исторической интроспекции и суть следующие (перечисляя их на сей раз в порядке иерархического возрастания):

1. Каковы возможности лингвистической компаративистики в деле воссоздания утраченных языковых единиц и систем разного уровня организации? (Конкретно: насколько достоверными (т.е. верифицируемыми) являются конкретные реконструкции (и до каких уровней языковой организации принципиально простирается процедура реконструирования)? насколько достоверными (т.е. взаимно скоординированными и непротиворечиво соотношенными с методологическими принципами более высокого порядка) являются принятые процедуры верификации получаемых результатов? существуют ли объективные (или хотя бы общепризнанные) критерии определения исторической дистанции, за пределами которой лингвистическая реконструкция становится окончательно невозможной (и если да, то как эта историческая дистанция определяется в принятых терминах исторического и глоттохронологического периодизирования)? существуют ли, наконец, объективные методологические ограничения при выполнении этимологического – и иных видов – анализа языковых структур, принципиально изъятых из ситуативно-коммуникативного контекста (и если да, то в чем эти ограничения заключаются)?)

2. Каковы возможности лингвистической компаративистики в деле взаимодействия с другими науками (историей, археологией, исторической антропологией, этнологией, культурологией, исторической психологией и т.д.), занятыми – каждая со своих позиций и в соответствии со своей специфической методологией – изучением и интерпретацией фактических данных, предположительно относимых к индоевропейскому наследию? (Конкретно: располагают ли перечисленные дисциплины (в особенности такие «киты» индоевропейских исследований, как лингвистика и археология) общей методологической базой, позволяющей целостно и непротиворечиво соотносить и интерпретировать всю совокупность упомянутых данных в рамках некоторой единой системы координат (и если да, то каковы принципы, лежащие в основании этого методологического комплекса)? существует ли сколько-нибудь общепринятая и последовательно верифицируемая процедура установления корреляции между реконструируемыми языковыми фактами и предположительно идентифицируемыми с ними конкретными археологическими культурами, а также имеющимися представлениями о процессах антропогенеза и этногенеза в соответствующих районах Евразии? насколько вообще – принципиально, теоретически – реально такого рода «перекрестное опыление» между научными дисциплинами, рассматривающими каждая свой предмет со столь различных точек зрения, и могут ли предпринимаемые усилия наладить взаимодействие привести к

созданию интегральных концептуальных построений, потенциально способных охватить (хотя бы) основную часть известных (или полагаемых известными) данных? наконец, если такой методологический синтез действительно достижим, то насколько применимы входящие в его состав приемы анализа и способы интерпретации для установления (пусть самых приближительных) географических и хронологических координат, в которых могут быть локализованы гипотетически постулируемые исторические (точнее, собственно, доисторические) реалии, привычно определяемые как «прямик» и «прародина»?)

3. Сформировано ли в лингвистической компаративистике – и сопряженных с ней в деле культурно-исторической реконструкции дисциплинах – сколько-нибудь отчетливое (т.е. могущее быть эксплицитно изложенным) представление о тех предпосылках общетеоретического характера, которые – как неоднократно было подчеркнуто ранее – в конечном счете детерминируют спектр возможных суждений по любым специальным проблемам? (Конкретно: каковы (фактические и теоретические) взаимоотношения индоевропеистики с теми историческими условиями, в которых она возникла и развивалась вплоть до настоящего времени, – иначе говоря, насколько – и каким именно образом – обязано содержание индоевропеистических гипотез тому идейному (или, если угодно, идеологическому) контексту, вне которого они – как и любые иные научные построения – не могли бы существовать и не могут быть поняты? какова (принципиально и содержательно) роль такого рода экстрасистемных инспираций в общем – чрезвычайно сложном и противоречивом, как опять-таки уже было сказано выше, – комплексе того, что сегодня называется индоевропеистикой? как отразился в (или на) теории и практике культурно-исторической реконструкции – за уже весьма продолжительный период ее существования – стремительно развивавшийся именно в это самое время масштабный процесс трансформации представлений о структуре, характере и перспективах научного знания, который А. Г. Дугин удачно назвал «эволюцией парадигмальных оснований науки» [1]? наконец, каким образом соотносятся существующие – и конкурирующие между собой – концепции «пра-» - или «обще-» - «индоевропейского» состояния с существующими – и конкурирующими между собой – концепциями доистории, антропогенеза и глоттогенеза, неизбежно обреченными служить им если не базой, то, как минимум, принципиальным «фоновым» термином сравнения?)

Только подробный систематический – пусть заведомо предварительный и не претендующий на полноту охвата – анализ изложенных позиций способен послужить основанием критическому пересмотру теории и методологии индоевропейских исследований, в котором эти последние объективно нуждаются. В результате могут быть намечены некоторые основные критерии, с учетом которых будут конкретизированы применительно к индоевропеистике контуры того, что в рецептивной эстетике и теории коммуникации определяется как «горизонт ожидания». Иными словами, окажутся прояснены ключевые – как внутренние, так и контекстуальные, – ориентиры, позволяющие выработать более четкое и реалистичное представление

о том, чего, в конечном счете, можно – а чего, соответственно, нельзя – ждать и требовать от культурно-исторической реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – 416 с.
2. Иванов Вяч.Вс. Хеттский язык / Вяч.Вс. Иванов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 296 с.
3. Подгуренко А.В. Концептуализация и терминология: феномен «осевого времени» у Ясперса и Генона / А.В. Подгуренко // Детерминизм языка и культуры: в поисках лингвокультурных соответствий: Материалы научно-практической конф., посвященной 40-летию РУДН. – М.: Уникум-центр, 2001. – С. 32-34.
4. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи [Пер. с нем. Под ред. и с предисл. Н.С. Чемоданова]. – М.: Прогресс, 1980. – 408 с.
5. Сухачев Н.Л. Перспектива истории в индоевропеистике: К проблеме «индоевропейских древностей» / Н.Л. Сухачев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2007. – 234 с.
6. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер [Пер. с нем.]. – М.: Канон+, 2001. – 400 с.

Стаття надійшла до редакції 10.03.2013 р.